

Бурят-Монгольский Ученый Комитет и Бурят-Монгольское
Научное Общество имени Доржи Банзарова.

Г. Ц. Цыбин

**МОНГОЛЬСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ,
КАК ОРУДИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Верхнеудинск.
1928 г.

Монгольская письменность, как орудие национальной культуры.

I. Общее положение.

Под словом язык в лингвистике понимаются ~~разнообразные~~ звуки, издаваемые для намеренного выражения душевного состояния и, главным образом, мысли. Историки культуры различно говорят о появлении у человека языка, но в теориях их в последнее время преобладает мнение, что корень языка появился у человека, как обозначение его действий в подражание звукам, коими сопровождаются эти действия.

Но мы не будем заглядывать в такую старину, а обратимся к поздней сравнительно эпохе, когда человек имеет появившийся и развивающийся язык, иными словами, когда у человека появилась уже культура. Одним из первых и наиболее важных элементов в этой культуре был язык народности: он выражал ее культурность и в то же время служил орудием для общения с другими и орудием высших форм мышления.

Культурный уровень, как и язык, был одинаков у первых людей на земном шаре.

Вопрос о первоначальном языке, по мнению ученых, также не разрешен, как не разрешен вообще вопрос, появилась ли первоначально одна пара людей или несколько их одновременно в разных частях земли...

Современная филология, напротив, направляет свои исследования на отыскание общего праотца языков, исходя из современных языков, и в этом отношении она достигла и достигает значительных успехов. Установлено несколько генеалогических групп, языков, которые являются отличительной чертой не рас, а народностей и национальностей.

Язык, образовавшийся первоначально в семье, с разрастанием этой семьи стал приобретать все большее и большее число носителей его. Насколько эти группы имели связь между собой и насколько жизнь их протекала в одинаковых условиях, настолько сох-

ранился общий язык этой группы. Когда группа принимает более или менее стройный общественный строй, то она—уже народность или национальность. Национальность получает свой язык из семейного языка и, насколько развивается культурное состояние этой национальности, настолько развивается и ее язык. Так как нельзя мыслить языка одного человека, то язык уже из этого только положения—есть явление групповое, общественное, иначе социальное. Человеческое общество, смотря по состоянию своей культуры, изобрело письменность, которая, в своих зачатках, не имела такого большого отношения к языку, как впоследствии, когда она стала принадлежностью отдельных языков. Например, знаки, ставившиеся первобытным человеком на деревьях и камнях, способ отмечать события посредством узелков, конечно, не относятся к отдельному языку.

Собственно письменность началась с того момента, когда обособились отдельные национальности, т. е. когда образовалась большая или меньшая группа людей с одним общим языком. Изобретение письменности, в свою очередь, самым чувствительным образом повлияло на развитие культуры вообще и языка—в частности.

Язык, с изобретением письменности, делится уже на два вида: устный или разговорный и письменный, или литературный. При этом, конечно, письмо есть служанка разговорного языка, оно сохраняет и укрепляет законы того языка, для которого служит, но, однако, нужно еще заметить, что и письменный язык живет своей самостоятельной жизнью и имеет свои отличительные от разговорных форм черты. Поэтому у каждой культурной национальности нужно признать существование двух языков или разновидностей одного языка: разговорный и письменный.

Все вышесказанное относится и к монгольскому языку, но следить за языком монголов можем с той поры, когда монгольская народность проявила себя, как национальное целое, со своим единым языком.

Судить о сохранности известной национальности можно только по сохранившемуся языку. Следя за языком монголов, можно сказать, что язык сохранился и в устной и в письменных формах. Следовательно, несмотря на превратности исторической жизни, все же сохранилась монгольская национальность.

II. История монгольской письменности.

Переходя к рассмотрению монгольского языка и письменности, упомянем, что монголы выдвинулись на историческую арену в начале XIII века. Они тогда объединились и образовали одно государство из монгольских и родственных племен.

В этом государственном образовании основную ячейку составляли монголы. Они-то, без сомнения, имели свой язык, который стал государственным.

По степени своей культурности, это был народ, стоящий на грани между звероловами и скотоводами, и, надо полагать, с преобладанием звероловства, что доказывается обилием сказаний об общественных облавах, устраиваемых в то время. Да и все военное искусство, проявленное монголами того времени, безусловно, было выработано в общественно-охотничьем быту.

Когда народность жила на своей территории своим, так сказать, кругом, то язык их был, несомненно, очень беден, но когда монголы стали выходить за пределы своей родины и так или иначе сталкиваться с новыми племенами и народами, то жизнь их уже вышла из обычной колеи. Вместе с этим и язык их стал приобретать новые понятия, иными словами, стал обогащаться. Монголы стали покорять другие народы и некоторые из них, в жестоких столкновениях, совсем исчезали, так или иначе потеряв свой язык, — главный признак их национальности. В таких случаях языковеды констатируют факт существования следов, оставленных исчезнувшим языком в языке народа, послужившего непосредственной причиной исчезновения этой народности. При этом степень культурности народов, покоренных и победивших, играет громадную роль в деле сохранения языка.

Примеров сохранения языка в той или другой степени очень много: маньчжурский язык исчез в китайском, болгарский-тюркский в славянском и т. д.

Вообще же культурность народа в языковом смысле доказывается фактом существования письменного языка, о чем уже упомянуто выше. Письменность или письменный язык придает устойчивость этой культурности. Кроме того, она служит орудием его дальнейшего развития и объединяет гораздо крепче, чем язык разговорный, который подвержен большой подвижности и переменам.

Когда же явилась письменность у разных народов, в том числе и у монголов? Зачатки письма явились у человечества в незапамятные времена. Затем, явилось уже письмо, в современной форме, у немногих народов ского 4000-5000 лет до христианской эры.

Остальные народы уже одновременно заимствовали у них письмена, приспособляя их к своему языку. Так исследователи говорят, что столь известные теперь латинский и греческий алфавиты, послужившие затем протом, если можно так выразиться, письмен всех европейских народов, были переняты из финикийского, который, в свою очередь, был заимствован у египтян. Это же финикийское письмо послужило началом еврейского, арабского и сирийского письмен.

От последних были новые заимствования. Например, из сирийского письма было заимствовано согдийское (Согдиана—государство, существовавшее в нынешнем Туркестане), а из согдийского—уйгурское.

Это, то уйгурское письмо послужило началом того письма, про которое и будет дальнейшая речь.

Всякая бесписьменная народность, с развитием своей жизни и при условии самостоятельности национальной культуры, ищет для практических целей, сношений и передачи своих мыслей, уже более прочного и культурного достояния для своего языка, а именно письменности.

Так и монголы, в самом начале своей истории, столкнулись на запад от своих кочевий с уйгурами, народом, стоявшим на другом уровне культуры, а именно на скотоводческо-земледельческом, кочевом-оседлом, и отличавшимся языком, хотя и родственным, но более культурным и имевшим уже свою письменность, о происхождении которой только что сказано. Историки рассказывают, что хан, выведший монголов на мировую сцену, будто узнал о существовании уйгурского письма только при пленении хранителя государственной печати. Это, повидимому, рассказ для некоторого умаления монгольского завоевателя, но верно то, что в то время у монголов не было своего письма.

Поэтому монголы переняли уйгурское письмо сперва в чистом виде. Во время непрерывных военных походов им, в сущ-

ности, некогда было заниматься окончательной переделкой этого письма для своего языка.

Вместе с письмом они познакомились с новым языком, который, без сомнения, был гораздо богаче тогдашнего языка чистых скотоводов-звероловов.

Когда же кончились военные походы при Чингис-хане и его преемниках*), то в руках монголов оказалась почти половина тогдашнего мира, и жизнь стала переходить на мирное положение.

Тогда внук основателя монгольского государства, Хубилай, счел неудобным для победоносного монгольского народа заимствованное письмо и приказал тибетскому Пагба ламе составить для монголов оригинальное письмо. Этот тибетец составил, т. н., квадратное письмо, введенное затем в употребление в канцеляриях для официальной переписки. Это письмо продержалось до смерти хана Хубилая, затем постепенно исчезло и теперь уже забыто народом.

Смерть долго царствовавшего Хубилая как бы избавила монгольский народ от квадратного письма, которое уже начало проводить к ним китайскую культуру, как письмо очень приспособленное для транскрипции китайских слов.

Монголы снова возвратились к уйгурскому письму, вытесненному в канцеляриях, но оставшемуся у народа вместе с новыми понятиями чужой культуры.

Теперь монголы могли остаться при культурных заимствованиях от родственного по крови и быту уйгурского народа, в том числе и письменности.

Но, однако, когда язык и культурные потребности монголов стали развиваться, то почувствовалась недостаточность уйгурского письма для монгольского языка. Тогда тибетскому ламе Чойджи-одперу, в 1310 годах, пришлось произвести реформу в уйгурском письме согласно требованиям монгольского языка. Так появилось монгольское письмо, полученное путем переделки заимствованного уйгурского письма.

До этого времени монголы пользовались чистым уйгурским письмом. Памятников этого письма осталось немного и то только благодаря тому, что письмена были или высечены на камне, или воспроизведены на металлах, или попали к оседлым, более куль-

*) О попытке приспособления алфавита, сделанной Гунга Чжалцаном при Мунку-хане, не упоминаю, т. к. она не доведена до конца.

турным народностям, как европейцы и китайцы. Условия кочевой жизни, конечно, не благоприятствовали ни распространению, ни сохранению письменности. Памятники периода уйгурского письма для монгольского языка следующие.

- 1) т. н. Чингисов камень;
- 2) письма Хана Гуюка к римскому папе;
- 3) письма к королю Франции Филиппу IV Красивому иль-Ханов Персии—Аргуна и Ульзейту;
- 4) Пайцзы золотоордынского хана Абдулы и др. мелкие памятники.

Затем, к таким же произведениям на монгольском языке, но уйгурскими буквами, относилась и летопись Юань-чао-ми-ши, написанная около 1240 года. Подлинник этой летописи пока не найден, но сохранились транскрипция и перевод ее на китайском языке.

Возвратившись к уйгурскому письму, после задержки его развития Хубилай-ханом, монголы приспособили уже это письмо к своему языку, как уже сказано, в начале XIV в. Этот век, как известно, был свидетелем падения монгольских династий, как национальных, во всех завоеванных странах. В самой же коренной Монголии все же оставался великий хан, который едва удерживал разваливавшееся единство монгольских племен. Поэтому конец этого и весь XV век можно считать эпохой междоусобных войн между отдельными князьями из-за престола и набегов на Китай целью грабежа и добывания продуктов обрабатывающей промышленности.

В конце же XV века вся Монголия об'единяется под властью одного хана—Даяна, и мирная жизнь, восстановленная этим ханом, продолжается и при его преемниках, хотя к концу своего царствования Даян-хан разбил Монголию на уделы, раздав их своим сыновьям, которых было до 11 человек (середина XVI в.). Монголам теперь уже нечего было думать о военных подвигах, и они обратились к своему хозяйственному быту, который, впрочем, оставался таким же громадным, как и раньше, и только местами переходили к земледельческим формам.

Монгольской аристократии осталось только одно средство приобрести популярность, а именно—насаждение среди народа буддизма, в форме ламаизма, и культивирование письменности, но

развитие последней задерживалось общим застоем хозяйственной жизни и не допускавшим тибетским языком, языком ламайской учености и молитв, монгольского языка и письменности в духовных школах и молитвах.

В конце XVI века отдельные князья (ханы) соперничают между собою в деле распространения буддизма. Так, известны туретский Алтан—и халхаский Абатай.

Письменность же монгольская достигла больших успехов у чахаров, у коих в начале XVII века появляется перевод и издание буддийского канона Ганджур, т. е. «слова Будды».

В первой половине того же XVII века на исторической сцене появляется народность, обитавшая по соседству с монголами, а именно маньчжуры. Они при своем выступлении были народностью не особенно высокой культуры и не имели даже своей письменности. Монголам было предложено мирное сотрудничество с ними, на что и пошли они. Оказал сопротивление только чахарский хан, который погиб в борьбе с ними в 1634 году. Маньчурам нужны были монголы, во-первых, для помощи в предпринятом ими походе против Китая и, во-вторых, чтобы обезопасить свой тыл. Вслед за покорением ближайших к великой стене монголов, маньчжуры направились к главной цели своего движения,—завладели Китаем и продержались там, как господствующая народность, более 250 лет.

Свежая, но малокультурная национальность вступила в управление древним Китаем, имевшим своеобразную культуру. Националистический энтузиазм подсказал маньчурам изобрести собственное письмо. Письмо это было заимствовано с монгольского, но переработано для маньчжурского языка.

Это заимствование сопровождалось значительной переделкой, т. к. маньчжурская народность составляла тогда одну монолитную группу с одним наречием, так что для нее потребовалась большая определенность букв, чем для монгольского языка. У последних родственные звуки передавались одинаковыми буквами, вследствие существования многих наречий среди отдельных племен, поселившихся в разных углах их обширной территории.

Такая разбросанность монголов, в связи с их скотоводческо-кочевым хозяйством, служила одним из важнейших тормазов в движении их культуры вообще. Пока у монголов преобладает ското-

водческо-кочевое хозяйство, приобщение к культуре передовых народов будет встречать постоянное препятствие.

Маньчжуры той эпохи не предвидели, насколько долго будет у них потребность в употреблении своей письменности, но с большим рвением принялись за создание на своем языке литературы и вообще учебников китайской культуры.

Мы знаем, что культура побежденного народа взяла перевес над культурой народа-победителя, и через какие-нибудь 250 лет маньчжуров, как национальности, не стало: они исчезли в китайской массе, но литература и письменность их остались. Я неоднократно слышал от русских сиологов отзыв, что для уразумения очень трудной китайской классической литературы громадным пособием может служить маньчжурский перевод их.

Так много маньчжуры сделали для передачи китайской культуры на своем языке. Причина же исчезновения маньчжурской национальности в китайской кроется в силе китайской культуры.

Зато маньчжурский язык, в письменном виде, гораздо дольше сохранялся у монголов по той причине, что маньчжуры заставили ввести свой язык в канцелярскую переписку. Затем, создавая для монголов разные учебники и словари, они во многих случаях заставляли употреблять маньчжурское письмо для монгольского языка. Это, в свою очередь, невольно должно было отражать какое-нибудь монгольское наречие, вследствие упомянутой выше дифференциации графических знаков.

Этим можно объяснить тот факт, что маньчжурская письменность не привилась к общемонгольскому литературному языку, который остается до сих пор при своей письменности.

Относительно монгольского письменного языка при маньчжурах должно сказать, что первые 4 императора, вторые из которых процарствовали 120 лет, очень покровительствовали рядом со своим и монгольскому языку.

Не будет преувеличением, если сказать, что при этих императорах маньчжурский и монгольский письменные языки достигли своего апогея.

Последующий период был эпохой постепенного упадка разговорной маньчжурской речи до полного почти исчезновения. В этот период сохранился только литературный язык, оставшийся в письменной форме, но монгольский язык до сих пор имеет своих но-

сителей, хотя разговорная речь некоторых из монгольских племен, например, южных уже отличается сильным влиянием китайского языка, зато у всех их сохранился единый письменный язык, за исключением добайкальских бурят, которые до сих пор оставались без собственной письменности.

В общем, какие же литературные произведения имеет монгольская литература? От периода расцвета монгольского литературного языка остались два грандиозных памятника, это—Ганджур, изданный при императоре Энке Амгулан (1661—1722) в 108 томах, и Данджур, изданный при императоре Тенгриин тэтхэсэн (1736—1796) в 225 томах*), а также историческая и изящная литература, отчасти переводная.

К этому нужно прибавить многочисленные словари—многоязычные и двуязычные: маньчжуро-монголо-китае-тибетские, маньчжуро-монгольские и тибето-монгольские. Вообще же нужно сказать, что словари преимущественно имели впереди язык народа господствующего или имеющего культурное влияние, как оно должно быть и теперь, пока один отсталый народ заимствует культуру у другого, более опередившего его.

Все сказанное выше относится к языку и письменности у монголов, долго остававшихся и остающихся под властью маньчжуро-китайцев, но есть часть монгольской народности, которая подпала одновременно с коренными монголами под власть другого государства, а именно русского.

Русские дошли до Бурятии и пошли через нее дальше на Восток тоже в начале XVII века. Движение их было совсем другого характера: маньчжуро-китайцы подчинили монголов и оставили у них внутренний быт нетронутым, сами не колонизовали подчиненной Монголии севернее «Гоби», тогда как русские с самого начала шли с целью колонизации края и, укрепившись в известном месте—«остроге», тотчас заводили хозяйство, обрабатывая землю. Маньчжуры ставили своей первой целью приобрести людей подданных, а русские—удобные земли для поселения.

Связь колонистов с метрополией была постоянная и непрерывная, ведь метрополия служила хорошей базой, от которой они

*) Один экземпляр Данджура, в 225 томах, в последние годы приобретен Монгольским Ученым Комитетом и хранится в его библиотеке (Улан-Батор-Хото).

получали помощь людьми и оружием. К туземцам и, в частности, к бурятам относились всегда высокомерно, кичась, не только великодержавностью, но и великокультурностью. Был период, когда в бурятах видели только предмет эксплуатации местных служилых людей и переселенцев посредством обложения ясаком и захвата их земель. Говорить же о каком-нибудь культурном влиянии, как развитие грамотности и т. п., не приходится. Вместе с русскими пришло и духовенство, которое стало ставить своей задачей, помимо духовной «пастьбы», еще распространение православия у бурят при помощи администрации, но рассмотрение этого вопроса не входит в мою задачу, скажу только, что приход русских вытеснил у северо-байкальских бурят письменность, которую не допускала затем администрация в сотрудничестве с духовенством. Зато в Забайкалье дело шло иначе. К здешним бурятам в конце XVII века начали проникать буддизм и письменность тибетская и монгольская. Несмотря на запреты и разные преграды со стороны администрации и миссионеров, к бурятам проникла и вошла в делопроизводство монгольская письменность.

Следовательно, литературный язык монголов теперь есть достояние не только собственно монголов, но и бурят-монголов пока восточной Бурятии.

В это же время культура монгольских народов, под влиянием соседей и развивающейся жизни, шла, конечно, вперед, сначала медленными шагами, но в последние десятилетия конца прошлого века уже очень интенсивно.

В конце прошлого века проводник торгового капитала—железная дорога со всех сторон приблизилась к монгольским народностям, а также к тибетцам, с которыми монголы связаны многовековыми сношениями. Вспомним сибирский железный путь, который прошел среди бурят-монголов, а далее через Баргу—Горлоо и по соседству с другими монгольскими аймаками, затем китайскую жел. дорогу, дошедшую до Калгана и Хуху-хото, английскую, доведенную до пограничного с Тибетом города Доржелина, а также приближение к Монголии Семипалатинской дороги и т. п. Это обстоятельство уже положило начало усиленным сношениям Монголии с Европой и Центральным Китаем.

Усиление сношений с другими, более культурными, народностями уже вносит очень много перемен в жизнь, а так как

язык и письменность всегда связаны с жизнью, то, следовательно, эти сношения должны дать новые языковые элементы. Сношения монгольских племен с европейцами особенно усилились за последние десятилетия.

В 1911 году в Китае произошел политический переворот. Там объявлена республика после свержения маньчжурской династии. Под предлогом падения династии северная Монголия объявила себя самостоятельной. Но соотношение сил и культурная отсталость заставила монголов обратиться к северной своей соседке, как некогда они обратились к Маньчжурии. Тогдашнее империалистическое правительство увидело в Монголии хороший кусок для торговых дел и пошло на помощь им, но, спустя короткое время, оно само было втянуто в мировую бойню и ему пришлось погибнуть со всем своим аппаратом: в царской России произошла революция и там установился союз социалистических республик. Все старые замыслы были ликвидированы, и жизнь стала строиться на новых началах.

Революция, имеющая одной из целей своих—освобождение угнетенных империализмом и капитализмом народов Востока, перебросилась сначала в северную Монголию, а затем пошла дальше и чувствуется уже у монголов, пограничных с Китаем, где идет такое же народное движение, руководимое партией Гоминдан.

Таким образом, и северная и южная Монголия находится на путях к новой жизни, основанной на европейской культуре, так интенсивно идущей к ним из Европы через СССР.

Теперь вопрос о языке и его письменности. Новая культура, конечно, ставит вопрос о языке. Язык народности сохраняется настолько, насколько он приспособится к новой культуре. Может ли противостоять монгольский язык? Может, но при усиленном приспособлении его к новой культуре.

Вся беда в том, что новая культура идет на языке, совершенно чуждом языку монгольских племен.

Приходится слова новой культуры приспособлять к монгольскому языку.

Чтобы приспособить новую культуру, нужно обратиться к запасам своего языка, который сохранялся в письменном виде, а где будет недостаток в этом, то заимствовать слова и понятия у чужих языков, приспособлявая к своему родному языку.

Это приспособление к своему языку совершенно чуждых слов и понятий ставит актуальный вопрос о приспособлении и письменности этого языка. Необходимость приспособления этого письма к новому языку признается, без сомнения, многими, если не всеми. Но весь вопрос в том, приспособлять ли старое письмо или создать совершенно новое. Не признать за монгольской народностью национально-целого и культурно-единого, при упомянутых его достоинствах в языковом отношении, едва ли можно.

Признание же за народностью национально-целого и культурно-единого должно ставить задачей сохранение ее национальной культуры и, если она находится, в силу исторических условий, в разобщенном состоянии, то должно стремиться к национально-культурному объединению.

Такое сохранение и объединение монгольских племен мыслится только на почве единого письменного языка, а объединение и сохранение на их разговорном языке—дело утопичное и заранее обреченное на гибель. Поэтому говорить о достоинствах разговорного языка какого-нибудь племени не приходится. К этому еще можно добавить неизученность всех наречий монгольских племен.

III. Вопросы орфографии и терминологии.

Орфография, или правописание монгольского, как и всякого другого языка, зависит от грамматики, поэтому для того, чтобы правильно писать, нужно изучение всех отделов грамматики.

Научной грамматики, соответствующей грамматикам, составляемым европейскими учеными, у монголов нет и не было.

Существуют буквари и зачатки грамматических правил, но подробного рассмотрения законов языка нет. Причину этого нужно искать в общей культурной отсталости монголов. Эта культурная отсталость носителей монгольского языка служит также причиной малого развития языка и письменности вообще.

Поэтому для того, чтобы поднять язык и письменность, нужно сначала поднять культуру народа вообще, а не наоборот полагать, что культура ее поднимется исключительно через поднятие культурной квалификации языка, иными словами культурная квалификация языка будет достигнута не исключительно через поднятие квалификации письменности.

Впрочем, обратившись к современной письменности, можно найти в ней много достоинств и недостатков. Достоинство—то, что литературный язык все же выработал известные формальные законы языка, а к недостаткам надо отнести то, что литературный язык не пошел за разговорными наречиями, на которые разбился весь монгольский язык. Он, иными словами, сохранил единство национальности. На письменном языке поймут друг друга многие монгольские племена, которые на разговорном поймут друг друга только с большим трудом, если не сказать, что не поймут совершенно.

Следовательно, монгольский литературный язык до сих пор служит объединителем монгольских племен, т. к. других факторов объединения у них осталось очень мало или же совершенно не стало. Теперь, когда исчезли все прежние преграды, ставящиеся объединению монгольских племен и развитию их языка, приходится говорить исключительно о культурно-национальном объединении, под чем должно разуметь развитие всех культурных способностей народности посредством поднятия их активности.

К усвоению или восприятию культуры должен быть привлечен язык, как орудие и выразитель культуры, о чем уже сказано выше. А это, в свою очередь, несет за собою задачу поднятия квалификации его, научное изучение его и установление терминов и правильность единообразного письма. Вообще научное изучение всякого предмета, в том числе и языка, может быть плодотворно только при совместной работе в ученых учреждениях, а практическое изучение, или реализация языка должна быть проведена через школу.

Как же обстояло это дело до последнего времени? У бурят в школах, например, не допускалось изучение родного языка и грамоты (см. М. Н. Богданов, — «Очерки истории Бурят-Монгольского народа». Верхнеудинск, 1926 г., стр. 165). Научное изучение монгольского языка началось у европейцев, в частности, у русских. Прошлый век может быть отмечен несколькими выдающимися языковедами, которые дали ученые труды по языку, как Шмидт, Орлов, Бобровников, Ковалевский, Голстунский, Позднеев и др., но изучения, основанного на данных трудах, не было у самих носителей языка, т. к. русский язык этих трудов был недоступен большинству. В специальных русских учебных заведениях вообще мало обучалось детей монгольской национальности.

и большинство из тех, кто попадал в ВУЗ, изучали другие научные дисциплины.

При таком положении язык, как наука, не изучался самими носителями его, а о прохождении его в школах на научном основании и говорить не приходится. Следствием этого было то, что письменный язык усваивался практически в канцеляриях, где переписчики набивали себе руку в зрительно-двигательных процессах письма, и надо удивляться только тому, как в течение нескольких веков у монголов все же осталась почти единая орфография.

Это можно объяснить только особым преклонением пред традицией, что замечается и во всей жизни. При всем том, однако, в письменный язык вошло много разнообразных начертаний, кои должны быть объединены. Объединение орфографии стало лозунгом Буручкома. В этой работе Буручком пока работает изолированно от Монучкома и от народной массы. Что же он создал до сих пор? Здесь мнения могут быть разные. Но все же должно признаться, что в деле объединения соглашения не достигнуто не только с Монучкомом, но и со всей массой пишущих. Принципы, принятые Буручкомом для монгольского письма, не всегда нормированы данными грамматики, практики и характера языка, например, написание долгих гласных, различение *д* и *т*, написание откидного *а* и *э* и т. п.

Этим же грешит и общемонгольское письмо. Какое значение имеет в монгольском и других восточных языках т. п. долгота гласных, об этом, конечно, знает всякий. Это не ударение, а долгое произношение слога. В изображении этого долгого слога—разнообразие орфографии. Нужно раз навсегда в корнях слова установить орфографию долгих гласных. Затем, отдельные наречия настолько уже дифференцировались, что можно уже говорить об отличии «д» от «т», это особенно важно теперь, когда монгольские племена вплотную подошли к европейской культуре, которая должна внести и много международных европейских слов. Правда, для звуков тибетского и китайского языков были изобретены новые буквы, которые совершенно выведены из употребления Буручкомом, но монголы еще употребляют их. Следовательно выходит, что Буручком не признал еще этого момента развития монгольской письменности.

На практике нужно выработать «деловой язык», так как язык прежний, выработанный в маньчжуро-монгольских канцеляриях, находится под исключительным влиянием прежнего китайского языка. Теперь жизнь вносит в монгольскую среду новые культурные понятия, для которых нужно выработать термины на своем языке, да и сам язык требует внутренней революции. Конечно, при новой жизни не замедлит явиться и новый язык.

Обращаясь к истории развития книгопечатания монгольским шрифтом, должно сказать, что этот культурный прогресс на практике был перенят у китайцев и тибетцев в начале XVII века ксилографическим способом, каковой способ практикуется и сейчас. Подвижной шрифт монгольского письма явился только в минувшем столетии и то в европейских типографиях. У самих же монголов машина и шрифт явились в XX веке в виде европейских образцов. Только теперь прогрессивное движение среди монгольской интеллигенции выдвинуло идею своей словолитни и приспособление пишущей машины к своему шрифту.

В этом отношении можно отметить попытки монгола Тэмгэзэ, пытающегося создать, при малых материальных средствах, монгольскую словолитню и достигшего в этом деле значительных успехов, а также бурят-монгола Батухана, министра Монгольской Народной Республики, вошедшего в сношение с одной германской фирмой для производства пишущей машинки с монгольским шрифтом. И в этом деле достигнуты значительные успехи.

Дальнейшие опыты, конечно, приведут в конце концов к желанным результатам. Ведь гений и труд человека достигают поразительных результатов не в таких еще делах!

Сохранившаяся до сих пор монгольская письменность, какова бы она ни была, все же есть наследие культуры данной национальности и имеет за собою ту заслугу, что разрозненными историческими судьбами монгольские племена имеют все же единую литературу. Круто порвать с этой литературой не следует, пока она не изучена и не использована в полной мере. Но для дальнейшей работы с монгольской литературой, не разрывая связи с ней и не отставая от требований новой культурной жизни, необходимо провести некоторую реформу письма и усовершенствовать и развить шрифт, чтобы он являлся во всем разнообразии образцов.

Остается сказать несколько слов о монгольской терминологии. При старом культурном развитии монгольского языка терминология вырабатывалась, конечно, только в той сфере, в какой принималась новая культура. Так, в период развития буддийской и китайской культур для монгольского языка составлялись словари, из коих для буддийских идей нужно считать самыми значительными словарь «Мэргэт Гархуин орон», а для китайских—«Ханибичиксен маньжу монгол угэну толи бичик»,—изданный при императоре Цянь-луне. Первый является терминологическим словом тибетско-буддийских понятий, а второй—толковым для маньчжурских слов, но рядом с переводом на монгольский язык, хотя монгольские слова написаны маньчжурским алфавитом.

В сущности говоря, всякий алфавит должен по своей полноте охватывать понятия всех наук. Для современной культуры, развитие которой началось у монгольских племен из Европы через СССР, терминологический словарь есть русско-монгольский словарь. Насколько понятия современно новы и носят интернациональный характер, настолько они должны быть приняты в монгольский язык в национализированной форме.

Буручком и Монучком уже предприняли выработку терминологического словаря. Буручком проработал прошлый 1926/27 год и выработал около 2000 слов терминов и согласовал их с Монучком. Монучком тоже работает над этим вопросом и выработанные им слова частью вошли в согласованный (общественно-политический) отдел и частью находятся на рассмотрении Буручкама.

При принятии слов-терминов встречаются следующие затруднения:

- 1) богатство терминов европейских языков, особенно по части материальной культуры;
- 2) фонетическая разница индо-европейских, в частности, русского языков от монгольского, что служит причиной принятия международных слов в ином произношении;
- 3) при передаче смысла терминов иногда приходится употреблять несколько слов;
- 4) недостаточная, надо признаться, изученность терминов и слов, уже установившихся в литературном монгольском языке;
- 5) недостаток работников.

Все же ученые комитеты принялись за работу по выработке терминов и, можно надеяться, что, при интенсивном продолжении этой работы, чрез несколько лет монгольский письменный язык обогатится массой терминов, которые привьются у народной массы, когда она практически постепенно познакомится с европейской материальной и духовной культурой.

Заключение.

Из всего вышесказанного вытекает заключение, что поднятие культурной квалификации языка возможно только путем активности этого языка, или иначе, путем широкого применения к жизни.

Для принятия идущей к монгольским племенам новой для них культуры нужно произвести частичные реформы в алфавите, по крайней мере, для того, чтобы передать дифференцированные звуки иностранного языка. Это скорее будет касаться реформы монгольской орфографии, с принятием во внимание и букв «галика», а затем новой отливки диакритических знаков для одной буквы.

Для реализации языка в школе и практике жизни с новыми культурными запросами нужно ввести в школы научное изучение языка и его грамматики, основанное на данных филологической науки и современной педагогики. Затем нужно составить учебники для разных ступеней и словари. Словари должны быть, как для понимания европейских слов, т. е. русско-монгольские, так и для понимания монгольских слов и выражений, т. е. монгольские толковые; при этом желательно дать и значения по-русски.

Тогда монгольский народ будет уже стоять на путях быстрой возможности усвоения культуры чужой и поднятия своей. Иначе не мыслится национальная культура, которую мы так желаем единодушно охранять, возродить и развить до уровня интернациональной
